УДК 940

О.И. Шмелёва

ВЛИЯНИЕ БОСНИЙСКО-ГЕРЦЕГОВИНСКОГО ВОССТАНИЯ 1875–1876 ГОДОВ НА НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ НА БАЛКАНАХ

Исследуются национально-освободительные движения на Балканах в последней четверти XIX века. В центре внимания – восстание в Боснии и Герцеговине, которое стало началом целой цепи национально-освободительных движений, охвативших балканские провинции Османской империи в период восточного кризиса 1875–1876 годов.

Балканы, балканский кризис, военно-политический договор, восстание, национально-освободительное движение, политический нейтралитет, статус-кво.

В 70-е годы XIX века национально-освободительные движения на Балканах охватили значительно большие, чем прежде, территории и привлекли к активному участию в борьбе против османского владычества население всех европейских провинций Оттоманской империи. Боснийско-герцеговинское восстание стало первым звеном в цепи событий второй половины 70-х годов и важным фактором, приведшим к обострению восточного кризиса.

К середине 70-х годов народы, населявшие Балканский полуостров, находились в разной степени зависимости от Османской империи. К этому времени относительную независимость получили Черногория, Сербия, Греция, Румыния. Из них Греция и Черногория стали независимыми государствами, а Сербия и Румыния, получив формальную независимость, находились в вассальной зависимости от Порты. Босния и Герцеговина, Старая Сербия, Албания, Эпир, Фессалия, Македония, Фракия и Румелия входили в состав Османской империи в качестве ее провинций.

Воздействие боснийско-герцеговинского восстания на балканские народы было неодинаковым и зависело от политических и социальных условий. Первостепенной задачей, вставшей перед угнетенными народами, была ликвидация османского ига. Балканские страны, которые освободились от османского ига, значительно отличались по общему уровню экономического и социально-политического развития. Но перед каждым из них стояла задача ликвидации феодализма и обретения национальной независимости, что открывало возможность для совместных выступлений.

Рассматривая отношения балканских народов к восстанию в Боснии и Герцеговине, следует учитывать реакцию на это событие европейских «великих держав». Восточный кризис не стал бы столь важным фактором международных отношений в Европе, если бы острые противоречия внутри Османской империи не были теснейшим образом переплетены с противоречиями этих европейских

государств. Каждая из стран Европы преследовала свои цели, но в конкретной исторической обстановке середины 70-х годов XIX века они выступили за сохранение империи Османов. Поэтому Балканские страны и их правительства на первом этапе восточного кризиса оказались перед лицом единой политики европейских держав по локализации конфликтов [1].

Восстание в Боснийско-Герцеговинском вилайете явилось результатом революционной ситуации, которая сложилась на Балканском полуострове в начале 1870-х годов вследствие политического, экономического и финансового кризиса в Османской империи. По мере ее складывания в провинции все более четко определялись два враждебных лагеря. Протурецкий лагерь составлял меньшинство, но имел реальную экономическую, политическую и военную силу. Антитурецкий лагерь представляло подавляющее большинство населения. В силу аграрной структуры общества основную массу его и главную движущую силу национально-освободительного движения составляло крестьянство. Безуспешность мирных форм протеста против существовавшего строя привела к осознанию необходимости вооруженной борьбы.

Восстание в Боснии и Герцеговине вспыхнуло стихийно 23 июня (5 июля) 1875 года большей частью как крестьянское. К началу августа оно охватило почти всю северную и большую часть Южной Герцеговины, в августе – Северную Боснию, в сентябре – Юго-Западную ее часть. Несколько позднее образовался еще один очаг восстания – в Южной Боснии. Крестьянское в основном выступление очень скоро переросло в общее национально-освободительное вооруженное восстание. Возглавили его либеральная буржуазия и революционные демократы.

На Балканах наиболее подготовленными к вооруженному выступлению против османов оказались болгары. В турецких провинциях с болгарским населением создались и объективные предпосылки для такой борьбы: накоплен опыт, выработана программа, заложены организационные основы национально-освободительного движения. Политические течения в национально-освободительном движении здесь были более четко определены. Подавляющее большинство болгарского общества являлись сторонниками ликвидации османского ига. Занимая уже достаточно прочные позиции в экономической жизни, болгарская буржуазия выдвигала требования, которые обеспечивали бы более благоприятные условия для развития капитализма и получение ею политических прав. Но ориентировалась она на внешние силы (Россию, Сербию), выступала с проектами политического компромисса с султанской Турцией, которые исключали революционные средства борьбы. Революционная демократия же в своих программах освобождения опиралась на силы народа и считала вооруженные восстания необходимым и единственным средством для полного успеха национально-освободительного движения.

---

[1] Никитин С.А. Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50–70-е годы XIX в. М. : Наука, 1970. С. 173–182.

Самой быстрой была реакция на восстание в Герцеговине у представителей революционно-демократического крыла болгарского национально-освободительного движения, возглавляемого революционером-демократом Христо Ботевым.

Многочисленные источники свидетельствуют о том, что герцеговинско-боснийское восстание ускоряло складывание революционной ситуации в Болгарии [2].

Восстание готовилось в трех районах около месяца и было назначено на 17 сентября, но началось раньше. Из-за слабой подготовленности и раскрытия турецкими властями сроков выступления Старозагорское восстание потерпело поражение. Однако оно сыграло определенную политическую роль в углублении восточного кризиса и в дальнейшем обострении противоречий в Османской империи [3].

Поражение восстания не привело к ослаблению национально-освободительного движения в Болгарии. Началась подготовка к новому восстанию. Возглавил его Гюргевский революционный комитет, состоявший в основном из сторонников Х. Ботева. Будущее Апрельское восстание в планах болгарских революционеров было тесно связано не только с Боснией и Герцеговиной, но и с балканскими событиями в целом, с вступлением Сербии в войну против Турции. Этим объяснялось решение Гюргевского революционного комитета назначить восстание на начало мая 1876 года [4].

Восстание в Болгарии началось 20 апреля 1876 года и охватило Панагюрский (Пловдивский), в меньшей степени Тырновский и Сливенский округа. Во Врачанском округе, который также входил в сферу подготовительной работы революционеров, восстание не состоялось.

Апрельское восстание потерпело поражение, однако оно сыграло огромную роль в развитии событий на Балканах во второй половине 70-х годов. Наиболее дальновидным дипломатам эта роль была ясна уже с самого начала. Так, Н.П. Игнатьев писал царю: «При настоящем положении вещей уже ни реформы, ни частичные улучшения не смогут восстановить спокойствия на Балканском полуострове. Всеобщий взрыв угрожает охватить его полностью, и герцеговинское восстание так же, как и болгарское, вскоре станет лишь эпизодом в великой драме распада Оттоманской империи» [5].

Апрельское восстание стало важной вехой в развитии, углублении и обострении восточного кризиса, фактором, превратившим боснийско-герцеговинский вопрос в балканский. Европейские державы были вынуждены пересмотреть свою позицию поддержки Порты. Ситуация, сложившаяся на Балканах после разгрома Апрельского восстания, оказала большое влияние на русскую политику.

---

[2] Поплыко Д.Ф. Боснийско-герцеговинское восстание 1875–1876 гг. и национально-освободительные движения на Балканах // Балканские исследования. М : Наука, 1978. Вып. 3. С. 5.

[3] Там же. С. 8.

[4] Освобождение Болгарии от турецкого ига. М : Наука,1961. Т. 1. С. 178, 192.

[5] Н.П. Игнатьев – Александру II. Буюкдере, 11(23) сентября 1875 г. // Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Канцелярия. 1875 г. Д. 28. Л. 49–54 об.

Наряду с болгарским живой интерес к восстанию в Боснии и Герцеговине проявили соседние народы, находившиеся под властью Османской империи. Уже в первые дни герцеговинского восстания русский генеральный консул в Рагузе А.С. Ионин доносил управляющему Министерства иностранных дел России А.Г. Жомини: «Вчерашние и сегодняшние новости говорят о восстании среди вассоевичей, племени, живущем по ту сторону юго-восточной границы Черногории, и даже среди мирдитов. В Подгорице трое мусульман тоже были убиты в драке с жителями Кучи» [6].

После получения известий о герцеговинском восстании волнения среди албанцев еще больше усилились. В июле 1875 года в Мати большим отрядом вооруженных албанцев из 300 человек было совершено нападение на турецких солдат. В районе Шаля горцы захватили турецкого чиновника и держали его в качестве заложника [7]. Русский консул в Янине А. Троянский в своих донесениях указывал на прямую связь выступлений албанцев с восстанием в Герцеговине. Так, в августе 1875 г. он писал: «Восстание христиан в Герцеговине, принявшее значительные размеры, сильно занимает общественное мнение жителей Эпиро-Фессалии. Я полагаю, что могут произойти беспорядки в здешнем крае в том случае, если герцеговинское восстание продолжится и если правительство не постарается о предотвращении оных зависящими от него мерами» [8].

Турецкое правительство пыталось предотвратить возможные волнения в албанских районах путем увеличения контингентов армии, жандармерии, тайной полиции, а также запретами передвижения по стране без особого на то разрешения.

Национально-освободительное движение начало разворачиваться в Албании только после того, как Сербия и Черногория объявили Турции войну, – 30 июня – 1 июля 1876 года. Одной из форм протеста был отказ албанцев служить в турецкой армии. Настроения были такими, что русские дипломаты считали возможным совместное выступление албанцев-немусульман с Сербией и Черногорией. Однако восстание, поднятое мирдитами, началось позднее – в декабре 1876 года. До этого времени можно говорить лишь о том, что восстание в Боснии и Герцеговине способствовало оживлению вооруженного сопротивления албанцев властям, отвлекало часть турецкой армии и мешало формированию новых войсковых единиц, предназначенных для подавления восстания.

Восстание в Боснии и Герцеговине оказало влияние и на южнославянское население, находившееся в составе Австро-Венгрии: Хорватию, Далмацию и Воеводину.

Из наиболее близкой к восстанию Далмации, имевшей традиционные связи с Боснией, наблюдался массовый уход в повстанцы. На ее территории организовывались четы (партизанские отряды), некоторые из которых возглавили далматинцы Степан Боропок, Милан Радовиц и др. Население помогало добровольцам переходить границу, принимало беглецов с турецкой стороны, укрывало их

---

[6] А.С. Ионин – А.Г. Жомини. Рагуза, 5(17) июля 1875 г. // АВПРИ. Ф. СПб. ГА V-$А_2$. Д. 747. Л. 193–196.

[7] Сенкевич И.Г. Албания в период восточного кризиса. М. : Наука, 1965. С. 68.

[8] Там же. С. 79.

от жандармов, оказывало помощь продуктами, одеждой, оружием. Хорватская печать информировала о ходе восстания. В Хорватии и Далмации создалась сеть комитетов помощи семьям повстанцев. Однако движение солидарности с восстанием вызвало отрицательную реакцию сначала со стороны Турции, а затем и со стороны правительства Австро-Венгрии. Порта направила на далматинскую границу войска, чтобы воспрепятствовать переходу добровольцев из Далмации в Герцеговину. Австро-венгерское правительство сделало все, чтобы движение помощи Боснии и Герцеговине удержать в Хорватии на уровне благотворительной помощи, не допуская действий политического характера. Австро-венгерским властям удалось пресечь успешно развивавшееся движение помощи восставшим турецким областям.

Успешное развитие восстания в Герцеговине, общественное движение в его поддержку, победа сторонников войны Сербии против Турции в сербской скупщине убедили Светозара Милетича, главу либеральной партии в Сербии, возглавлявшего сербскую оппозицию в венгерском парламенте, в том, что освободительное движение на Балканах стало уже делом настоящего, а не будущего.

Важным направлением деятельности Милетича было оказание помощи в подготовке войны Сербии против Турции и последующего объединения Боснии с Сербией, а Герцеговины с Черногорией. Он развернул агитацию за войну, призывал военных – сербов и хорватов – возглавить неопытных в военном отношении повстанцев. Во время посещения Белграда 25–29 мая 1876 года, как сообщал А.Н. Карцов Н.П. Игнатьеву, Милетич встречался с князем Миланом, «которого он уверял в сочувствии австрийских сербов делу освобождения христиан от мусульманского ига и обещал денежной помощи от южнославянских комитетов» [9].

В Белграде Милетич выступал за абсолютное предпочтение национального освобождения всем другим вопросам, в том числе и внутренним вопросам жизни сербского общества.

Наконец, третьим направлением деятельности Милетича была парламентская борьба за справедливое решение восточного вопроса. Но эта его прогрессивная программа парламентом была отклонена, а сам Милетич был арестован.

Из Балканских государств определить свое отношение к герцеговинскому, а затем и к боснийскому восстанию вынуждены были в первую очередь Черногория и Сербия. Восставшие герцеговинцы возлагали большие надежды на Черногорию. Но князь Никола не мог договориться не только с представителями революционно-демократического течения боснийско-герцеговинского освободительного движения, но и с некоторыми буржуазными идеологами, являвшимися противниками монархии.

Восстание было неожиданным для князя Милана, но он сразу же осознал сложность создавшейся для него ситуации. Так, А.С. Ионин в донесении А.Г. Жомини писал: «Князь очень удивлен, получив первое сообщение о столь внезапном и всеобщем восстании, и был приведен этим в большое замешательство. Морально его положение весьма затруднительно по отношению к своему

---

[9] Освобождение Болгарии от турецкого ига. С. 242.

народу, к его единоверцам из соседних областей, но особенно перед дипломатией». Князь считает, сообщал далее Ионин, что «для него единственным средством избежать несчастья является подчинение своих действий желаниям своих покровителей. Но, с другой стороны, он проникнут убеждением, если бы Черногория утратила свой престиж, то для нее это означало бы полную сдачу на милость туркам» [10].

Свою позицию князь Никола пытался отстоять следующим образом: «Князь принял меры, чтобы удвоить наблюдение на границах и довести до сведения повстанцев советы, которые, если бы повстанцы последовали им, смогли бы, вероятно, ограничить движение. Он посоветовал им дождаться прибытия комиссара, избегать кровопролития, не нападать на мусульман и показать себя как можно менее требовательными перед комиссаром, не протестовать против чрезмерности налогов в пользу правительства, в противном случае князь угрожает им не заботиться об их судьбе» [11].

Позиция князя определялась несколькими причинами: боязнью эмиграции в Черногорию, что угрожало бы ее финансам; зависимостью его взглядов от ориентации великих держав на сохранение мира на Балканах; нежеланием оказаться в одиночестве в случае выступления против Порты; ведением переговоров с Портой об урегулировании границ, от которых князь ожидал больших выгод. Несмотря на отказ князя в помощи восставшим и запрещение своим подданным участвовать в восстании, черногорцы проявили самостоятельность и пренебрегли княжеским запретом. Уже 30 июля (11 августа) 1875 года советник русского посольства в Константинополе А.И. Нелидов сообщал А.Г. Жомини, что черногорцы массами примыкают к восстанию. Порта вынуждена была просить Россию оказать давление на князя Николу, чтобы он воспрепятствовал массовому участию черногорцев в герцеговинских событиях.

Турция принимала все меры к тому, чтобы подавить восстание еще до участия в нем Сербии и Черногории, в противном случае оно превратилось бы в фактор европейского значения. Это понимали правители и дипломаты великих держав. Воспринимая начало герцеговинского восстания как обычный конфликт местного характера и ориентируясь на его быструю ликвидацию, тем не менее, они осознавали, что возможное участие в движении Черногории и Сербии усложняет положение. Нелидов писал в Петербург, что необходимость европейского посредничества в деле ликвидации очага восстания вдвойне оправдывается в предвидении возможного участия сербов и черногорцев в борьбе против турок [12]. В силу ряда причин Россия выступила инициатором переговоров с великими державами, чтобы не допустить углубления кризиса и восстаний на Балканах. Она стремилась добиться «концерта держав» в балканских делах. Однако восстание разрасталось. Даже те военные и дипломаты, которые призывали вначале сохранять осторожность в его оценках, через месяц после восстания считали его уже достаточно серьезным.

---

[10] Освобождение Болгарии от турецкого ига. С. 32.
[11] Там же. С. 33.
[12] Освобождение Болгарии от турецкого ига. С. 56.

Август 1875 года стал переломным в отношении правящих кругов Черногории к восстанию. А.С. Ионин о влиянии на разные социальные слои новостей из Герцеговины, Боснии и Сербии 12(24) августа писал, что теперь, «когда всеобщий энтузиазм, успехи восстания, очевидная слабость турок придают движению характер освободительной борьбы, возбуждение Черногории становится почти опасным. Меры, которые князь Николай решил предпринять вследствие запросов, сделанных ему тремя кабинетами, приводят народ в отчаяние, и я боюсь предсказать возможный исход такого положения. Что же касается князя, то, судя по всем сведениям, он стремится остаться верным своим обещаниям, он боится начать жестокую борьбу с небольшими средствами, без покровительства, без денег, но он чувствует, как почва ускользает из-под его ног. Исходя из того, что мне известно, князь находится в величайшем замешательстве. Он почти теряет голову» [13]. Далее Ионин добавлял, что ко всему этому примешиваются заботы о содержании многих сотен беженцев – семей повстанцев, что для бедной Черногории было крайне трудным делом. В середине августа в Цетине был создан благотворительный комитет для оказания помощи восставшим. Черногория стала одной из самых значительных центров по передаче беженцам и раненым повстанцам собранных для них главным образом в России и Австро-Венгрии пожертвований.

Еще более напряженным стало положение в Черногории к концу августа 1875 года в связи с восстанием в Боснии и Герцеговине. К этому времени определились характер и цели движения, и накал борьбы стал необычайно высоким. Народ был недоволен и своим положением, и бесконечными столкновениями с Портой, и переговорами о границах, и позицией князя, авторитет которого падал среди широких слоев славян Далмации, Хорватии и даже Сербии.

Все это в конце августа 1875 года поставило Черногорию перед выбором: необходимость мира для Европы и невозможность жить в Турции и с Турцией при настоящих условиях. Война становилась все более реальной перспективой. Но официальной политикой Черногории и в начале 1876 года оставался нейтралитет, который понимался князем как невмешательство в конфликт военной силы при одновременном содействии великим державам в локализации конфликта и умиротворении восставших провинций. Только после значительных колебаний Черногория вслед за Сербией 20 июня 1876 года объявила войну Турции.

Таким образом, Черногория с самого начала восстания в Герцеговине не только проявила к нему горячее сочувствие, но стремилась принять в нем активное участие. Она оказывала давление на князя, вынудив его выступить против Порты.

Правительство Сербии прошло тоже не менее сложный путь, прежде чем объявить войну Турции. Правящие круги Сербии имели в то время проавстрийскую ориентацию и не считали выгодным для себя вмешиваться во внутренние дела Турции. Консервативная газета «Видовдан», несмотря на то, что в стране нарастал национально-демократический подъем, изображала восстание как обычные неурядицы в Османской империи.

---

[13] Там же. С. 69.

В беседе с А.Н. Карцовым князь Милан говорил, что восстание в Герцеговине добавило ему новые трудности. «Симпатии народа к восстанию и ожидание всеобщих осложнений, – считал он, – приведут к передышке в междоусобной борьбе… принудят к политике, которая лишит его благосклонности Европы» [14]. Милан стоял перед выбором: или подавить национальный подъем, или отречься от престола, если не удастся первое, или возглавить движение. В конце июля в Вене состоялась встреча князя Милана с премьером первого конституционного правительства Австро-Венгрии Д. Андраши, в итоге которой князь Милан обещал придерживаться строгого нейтралитета по отношению к восстанию. Однако выполнить обещание оказалось невозможно.

Милан вернулся в Белград 31 июля. За несколько дней его отсутствия положение в стране резко изменилось. Под давлением общественного мнения консервативное правительство было вынуждено сохранять нейтралитет, но тайно всеми средствами помогать восставшим [15]. В Белграде был создан комитет помощи во главе с митрополитом Сербским Михаилом. Симпатии к повстанцам были настолько сильны, что раздавались даже требования начать войну.

Характеризуя положение Сербии тех дней, министр иностранных дел Сербского княжества М. Богичевич отмечал: «Его величество принес мир и нашел здесь войну» [16]. Князь официально объявил о нейтралитете Сербии. Правительство запретило формирование добровольческих чет из подданных княжества. Царское правительство, обеспокоенное настроениями в Сербии, приказывало русскому консулу в Белграде дать понять сербскому правительству, что, поддерживая восставших, оно рискует лишиться покровительства и сочувствия Европы [17].

А.Н. Карцов в донесении от 7 августа сообщал А.Г. Жомини, что Милан оценил свое положение после возвращения из Вены как «ужасное». Князь рассмотрел все три варианта своей возможной дальнейшей политики и пришел к выводу, что первый из них сделался абсолютно неприемлемым. Стала очевидной «абсолютная невозможность подавить национальное движение в поддержку восстания в Герцеговине» [18]. Ожидавшееся восстание в Боснии еще больше должно было осложнить положение князя. «Единственное решение, оставшееся для меня, – говорил князь, – уступить всеобщему воодушевлению и стать во главе моего народа», ибо нейтралитет, которого требует Европа, является для сербов «политическим самоубийством» [19]. Именно боевое настроение в стране убедило князя, по его словам, в том, что он дал «случайные обязательства», которые «противоречат устремлениям народа его страны» [20].

---

[14] Освобождение Болгарии от турецкого ига. С. 55.

[15] Струкова К.Л., Хитрова Н.И. Сербия и Черногория в войне с Турцией (1876–1878 гг.) // Балканские исследования. М. : Наука, 1978. Вып 4. С. 50.

[16] Освобождение Болгарии от турецкого ига. С. 58.

[17] Освобождение Болгарии от турецкого ига. С. 58.

[18] Там же. С. 59.

[19] Там же.

[20] Там же.

Карцов писал, что перемена в мыслях князя была заметна с 3 августа после встречи с Миланом, которая носила политическую направленность: Милан хотел узнать, допустит ли Россия оккупацию Сербского княжества Австро-Венгрией, если оно начнет войну против Турции.

Конец августа – начало сентября были в Сербии временем активной поддержки восстания. Большинство из вошедших 19 августа в состав нового правительства во главе с либералом Ставчей Михайловичем и министром иностранных дел Йованом Ристичем составляли сторонники национального освобождения от Турции. Сербская скупщина, собравшаяся 28 августа в Крагуеваце, работала при закрытых дверях. Дебаты по основному вопросу – сохранение нейтралитета или объявление войны – длились неделю. В процессе голосования сторонники немедленных действий потерпели поражение.

В это время Милан предпринял первые шаги для переговоров с черногорским князем относительно войны с Турцией. Первый этап политики этих двух государств в период восточного кризиса – политики нейтралитета – закончился 2 сентября 1875 года.

«Тайные постановления» скупщины, принятые 8 сентября, фактически означавшие финансовую подготовку к войне, а до нее поддержку восстания, были предложены на утверждение князю и представляли собой начало нового политического курса Сербии – активной помощи восстанию в Боснии и Герцеговине, инициатором которого выступила скупщина[21].

Правительство Сербии начало активную подготовку к войне: 1 сентября министерским Советом было принято решение об укреплении границ и о помощи повстанцам вооружением. Такие действия привели к конфликту правительства и скупщины, с одной стороны, и князя с правительством – с другой. Милану пришлось противостоять правительству из-за недовольства России и других великих держав приготовлениями Сербии к войне. Победу в этом конфликте одержал князь, и кабинет Ристича подал в отставку.

Русский, австро-венгерский и германский консулы, к которым затем присоединились французский и итальянский консулы, получив 20 сентября инструкции договориться о коллективном демарше сербскому правительству, 24 сентября (6 октября) выработали «Коллективное заявление дипломатических представителей европейских держав в Белграде сербскому правительству», врученное на следующий день Министерству иностранных дел Сербии. В заявлении говорилось: «Представители Германии, Австро-Венгрии, Франции, Италии и России, держав, подписавших Парижский трактат, гарантов автономии Сербии, уполномочены настойчиво рекомендовать княжескому правительству воздержаться в интересах страны от всех мер, которые могли бы дать Порте предлог объявить, что она атакована; им также поручено заявить, что, если сербское правительство допустит агрессивные действия против Порты, они не смогут использовать трактат 1856 года в целях предохранения княжества от турецкой ок-

[21] Там же. С. 99.

купации» [22]. Кроме того, устно были высказаны дополнительные комментарии. Отрицательно оценивались: переход вооруженных отрядов с территории Сербии на территорию Турции; большое скопление войск на границах; приказ о «боевой готовности» [23]. После чтения заявления держав Сербия подтвердила политику нейтралитета, однако под давлением общественности продолжала переговоры с Черногорией.

Новый тур переговоров начался в конце октября и был связан с миссией Филиппа Христича в Цетине. В результате переговоров было решено не начинать военных действий против турок до конца зимы 1875 года, но продолжать оказывать помощь восставшим, объявить войну Порте весной 1876 года. В конце декабря 1875 года Сербия и Черногория готовили коллективный ультиматум великим европейским державам, но А.Н. Карцов уговорил Милана отказаться от этой меры.

Правительство Калевича 2 февраля 1876 года продолжало переговоры с Черногорией, но соглашение снова не было подписано. В поисках союзников в марте 1876 года сербское правительство сделало попытку договориться о согласованных действиях с болгарской эмиграцией. Для переговоров в Бухарест был послан майор сербской армии Драгашевич. Он должен был вести переговоры с членами Болгарского комитета, но поездка не была успешной: Сербию поддерживали только Л. Каравелов и его сторонники.

Весной 1876 года князь Милан продолжал уверять представителей европейских держав в своем миролюбии, но замечал все же, что события принимают тревожный характер. Одновременно с нейтралитетом Сербия активно вооружалась и перестраивала свою армию применительно к будущей войне. С весны 1876 года общественность настойчиво выступала за войну, против были только консерваторы, доказывая, что страна к ней не готова. Радикалы надеялись во время войны принудить правительство к проведению внутренних реформ. Либералы, от мнения которых зависело окончательное решение вопроса, выступали за войну, надеясь с ее помощью осуществить свою национальную программу[24]. Идею войны поддерживал и офицерский корпус.

Новые переговоры с Черногорией завершились подписанием 9 (21) июня в Белграде военно-политического договора, ратифицированного 16 (28) июня. Сербия и Черногория заключили союз о совместной войне против Турции, которую решили начать через 10 дней, и уже 18 (30) июня Сербия объявила о войне.

С этого момента начинается новый этап в развитии восточного кризиса. Восстание в Боснии и Герцеговине втянуло в открытую войну с Турцией Сербию и Черногорию, способствуя дальнейшему развитию национально-освободительного движения на Балканах. Слабая в военном отношении Сербия потерпела

---

[22] Поплыко Д.Ф. Боснийско-герцеговинское восстание 1875–1876 гг. и национально-освободительные движения на Балканах. С. 23.

[23] Освобождение Болгарии от турецкого ига. С. 122.

[24] Поплыко Д.Ф. Боснийско-герцеговинское восстание 1875–1876 гг. и национально-освободительные движения на Балканах. С. 25.

поражение в течение двух недель. На Балканах произошла новая расстановка сил. Большие перемены начались и в позициях ведущих европейских держав.

Третье государство на Балканах – Румынское княжество – в 70-е годы XIX века оставалось в зависимости от Турции. Это создавало для него неблагоприятное внешнеполитическое положение. Развитие капиталистических отношений сопровождалось в княжестве усилением национально-освободительных тенденций, борьбы за государственную независимость.

Восстание в Боснии и Герцеговине создало новую обстановку на Балканах, которая не могла не повлиять на Румынию. Нерешенность национального вопроса, тесные связи с болгарским национально-освободительным движением не оставили равнодушной к происходящим событиям румынскую общественность. Но поскольку окончательное освобождение от вассальной зависимости и решение национального вопроса разные социальные слои Румынии понимали по-своему, то и реакция их на восстание в южнославянских землях была неодинаковой.

Румынская пресса постоянно публиковала сообщения с театра военных действий. В стране развернулось благотворительное движение. Добровольные пожертвования раненым повстанцам собирались через «Болгарское человеколюбивое настоятельство» по его подписным листам. Однако правящие круги были далеки от того, чтобы возглавить или хотя бы поддержать антиосманские настроения в стране.

Интересы князя Кароля совпадали с позицией консерваторов, правительство которых во главе с Л. Катарджиу стояло у власти до весны 1876 года. Министр иностранных дел правительства Румынии В. Боереску 9 августа 1875 года заявил о том, что Румыния не будет следовать примеру «восставших провинций Оттоманской империи», сохранит по отношению к Турции «вполне миролюбивую и дружественную позицию» и будет проводить политику нейтралитета до тех пор, пока не сможет реализовать свои устремления и обеспечить «национальное существование мирным путем, не вызывая потрясений и беспорядков, в полном согласии с Высокой Портой, интересы которой на Дунае совпадают с нашими» [25].

Не меньшую заботу для консерваторов представляла задача сохранить благожелательное отношение к ним западноевропейских держав. Державы-гаранты, особенно Англия, требовали от Румынии строгого нейтралитета, так как понимали его значение для сохранения статус-кво на Балканах. Всякая помощь Румынии повстанцам наносила удар Турции. Не последнее место в той строгости, с которой западные державы следили за сохранением Румынией нейтралитета, занимали антирусские планы западноевропейских кабинетов. Решительный протест с их стороны вызывала даже попытка княжества поставить вопрос о расширении своей автономии [26].

---

[25] Залышкин М.М. Внешняя политика Румынии и румынско-русские отношения 1875–1878. М. : Наука, 1974. С. 62–63.

[26] Там же. С. 53–57, 66–67.

Правящие круги надеялись с помощью западных держав получить уступки от Порты. Все эти соображения обусловили осторожную и выжидательную политику Румынии: не давать повода к недовольству Порте, все делать с оглядкой на западные державы и полностью отмежеваться от событий на Балканах.

Однако с конца декабря 1875 года в документах появляются сведения о значительном вооружении Румынии. В начале 1876 года эти тенденции стали еще более ощутимыми. В конце января русский дипломатический агент и генеральный консул в Бухаресте И.А. Зиновьев доносил об активных военных приготовлениях Румынии, развернутых военным министром генералом Флореску. Князь Кароль ясно дал понять, что «настоящее положение дел, в результате которого Румыния оказалась связанной с полностью разлагающимся государством, стало невыносимым. Он надеется, что вскоре прекратится такое обидное для национального самолюбия состояние» [27].

Национальное движение особенно активизировалось после посещения Бухареста в декабре 1875 года румынским агентом в Константинополе генералом И. Гикой. Он развернул для румын программу действий применительно к тем условиям, которые следовало использовать. «Генерал Гика представил состояние дел в Турции в самых мрачных тонах, – доносил Зиновьев, – и посоветовал своему правительству ничем не пренебрегать и не отступать ни перед какими жертвами, чтобы можно было использовать затруднения Порты. Он особенно стремился подчеркнуть затруднения, вытекающие из изоляции Румынии, и настаивал на необходимости совместных действий с христианским населением Востока и установления отныне тесных связей с правительствами Сербии и Черногории. Турки, которые обвиняют Сербию и Черногорию в поддержке восстания в Герцеговине... могут попытаться оккупировать одно из этих княжеств, и совсем не в интересах Румынии отдать на разграбление своих близких союзников» [28].

Генерал Гика выдвигал прогрессивную для интересов румынской нации программу. По сведениям Зиновьева, последняя ее часть была оценена в Бухаресте, но правительство Л. Катарджиу не собиралось ее проводить в жизнь в ближайшем будущем. Румыния осталась верна избранной политике. В румыно-черногорских отношениях все ограничилось обменом новогодними телеграммами между князьями с надеждами на лучшие обстоятельства. Недовольство европейских держав заставило консерваторов отступить от циркуляра 4 января.

Вопрос о внешнеполитической позиции Румынии продолжал играть значительную роль в жизни страны и в первой половине 1876 года. Развитие восточного кризиса все настойчивее требовало от Румынии отхода от нейтралитета. Этим воспользовались либералы в партийной борьбе против консерваторов. Так, в период их борьбы за власть весной 1876 года одной из проблем являлось отношение к Сербии, поскольку князь Милан пытался вы-

---

[27] Освобождение Болгарии от турецкого ига. С. 174–175.

[28] Освобождение Болгарии от турецкого ига. С. 175.

яснить позицию Румынии в случае войны Сербии против Турции. Правительство либералов, сформированное 24 апреля 1876 года во главе с М. Епуряну и И. Брэтиану, показало себя очень умеренным. В области внешней политики оно осталось на прежних позициях. В начале своей деятельности либералы столкнулись с антитурецким восстанием, вспыхнувшим у самых границ Румынии. Апрельское восстание в Болгарии доставило правящим кругам Румынии массу проблем. Либералы приняли строгие меры против провоза оружия и проезда вооруженных болгарских добровольцев через румынскую территорию. Министр внутренних дел Дж. Вернеску в многочисленных распоряжениях требовал от окружных начальников: оказывать содействие правительственным уполномоченным в Брэиле и Галаце в расследовании случаев переправы оружия в Болгарию (29 апреля 1876 г.); принять строгие меры и препятствовать переходу вооруженных болгар через Дунай (11 мая); запретить ездить с оружием, задерживать пассажиров на всех дунайских пристанях (20 мая); префекту бухарестской полиции принять меры к аресту вооруженных пассажиров, следующих к Гюргево (Джурджу); запретить болгарам плавание по Дунаю без паспортов (25 мая)[29].

Румынское правительство, отказываясь от совместных действий со славянами и не помогая повстанцам, тем не менее, использовало условия, которые были созданы освободительным движением на Балканах и поставили Турцию летом 1876 года в затруднительное положение. За несколько дней до объявления Сербией войны Турции премьер-министр М. Когэлничану выступил с циркуляром, адресованным румынским представителям за границей. Приложенный к нему меморандум содержал требования установления дипломатических отношений с Турцией, в том числе и признания последней названия «Румыния» [30]. Дипломатический шаг, предпринятый Когэлничану для получения суверенных прав, был требованием компенсаций за нейтралитет.

Несмотря на то, что Когэлничану и его сторонники потерпели поражение и, оказавшись в меньшинстве, вынуждены были уйти в отставку, отклонения правящих кругов от прежней политики нейтралитета, проявившиеся летом 1876 года, являются важными моментами в истории восточного кризиса и в развитии страны.

Не осталось равнодушным наблюдателем событий на Балканах и греческое государство. Его зависимость от Османской империи также не была полностью ликвидирована к началу восточного кризиса 70-х годов XIX века. Частью империи оставался Крит. Не был окончательно решен и вопрос о северных границах Греции. Первая реакция на восстание в Герцеговине была в Греции слабой. Внутренние вопросы и парламентские выборы не позволили общественности сразу оценить значение этого события, но постепенно, по мере распространения восстания отношение к нему в Греции менялось. Гре-

---

[29] Поплыко Д.Ф. Боснийско-герцеговинское восстание 1875–1876 гг. и национально-освободительные движения на Балканах. С. 29.

[30] Залышкин М.М. Внешняя политика Румынии и румынско-русские отношения 1875–1878. С. 107.

ческий король Георг, подобно другим балканским правителям, обещал в Вене великим державам сохранить по отношению к восстанию нейтралитет. Считая страну не подготовленной к военным действиям, правящие круги Греции не были склонны и к активной внешней политике. Отношения с Россией в это время были напряженными, что также во многом сдерживало правительство. В правительственных кругах преобладало мнение решать все вопросы с Портой путем переговоров. Премьер-министр Трикупис выступал с заявлениями, что «единственный путь для Греции – это политика дружбы и сотрудничества с Турцией» [31].

В то же время греческая пресса открыто выражала свои опасения перед развитием славянского движения. В официальной печати восстание представлялось как результат деятельности панславистских «подстрекателей». Однако имели место и положительные отклики на события в Боснии и Герцеговине. Восстание приветствовали греки-эмигранты, воспринявшие его как удобный момент для усиления агитации, начались волнения среди эпиротов на Корфу, в критских кругах в Афинах и за пределами страны. Власти опасались нарастаниия возмущения на Крите. В конце июля 1875 года русский дипломат сообщал, что «даже афинские греки проводят демонстрации» в пользу восставших [32]. Смена главы правительства 28 октября 1875 года вызывала большие опасения у великих держав, поскольку новый глава правительства Александр Кумундурос в прошлом был участником восстания на Крите, хотя, как и при Трикуписе, Греция не отступила от политики нейтралитета. Кумундурос считал, что возможности малой страны ограничены. Но в отличие от многих других греческих политиков, которые в великих державах видели единственную опору Греции, был убежден, что народы Балкан, если они объединятся, смогут или сами изгнать турок из Европы, или сделать это при помощи великих держав. Кумундурос вел двойную политику. Официально придерживаясь нейтралитета, он в то же время через различных агентов помогал революционному движению в османских провинциях с греческим населением и способствовал установлению тайных связей с балканским национально-освободительным движением. В ноябре 1875 года греческое правительство вело переговоры с Турцией, на которых подтвердило свой нейтралитет по отношению к восстаниям на Балканах, при этом одновременно откликнулось на предложение Сербии о совместной борьбе против османов. В военных планах Сербии Греция как союзник играла большую роль. Оба государства, внешне подтверждая свой нейтралитет, сделали ряд шагов для заключения тайного антиосманского союза.

Идея союза с балканскими народами имела в Греции многих сторонников. Одним из них был Леонидос Вулгарис, который тесно сотрудничал с сербскими официальными кругами. Он считал, что балканские народы должны объединиться для свержения османского ига. Вулгарис тайно сформировал в Афинах

---

[31] Kofos E. Greece and the Eastern crisis. 1875–1878. Thessalonilci: Institute for Balkan studies, 1975. P. 144.

[32] Освобождение Болгарии от турецкого ига. С. 51.

комитет, который должен был поддерживать связи с Сербией. Однако его усилия не увенчались успехом [33].

В Афины 19 марта 1876 года прибыл М. Гарашанин, который, минуя правительство, смог установить прямые связи с теми греками, которые готовы были поднять восстание в турецких провинциях. Первая цель миссии Гарашанина не была достигнута. Он пришел к выводу, что общественное мнение Греции враждебно Сербии и греко-сербскому союзу и не поддержит Сербию в случае выступления против Турции. Гарашанину удалось встретится с греками из Крита, Фессалии, Эпира, Южной Македонии и обсудить с ними план восстания в греческих провинциях Европейской Турции.

Независимо от греческого правительства сербы обязывались обеспечить греков деньгами и оружием, однако в мае правительство Калевича пало, и планы греко-сербского союза не осуществились [34].

В это же время греки и болгары стремились урегулировать свои церковные вопросы. Но после правительственного переворота в Турции и усиления английского влияния греко-болгарские переговоры были прерваны.

В отношении к Апрельскому восстанию Греция также сохраняла нейтралитет. Усиление антиславянских настроений, боязнь, что восточный вопрос будет решен только в интересах славян, влияло на греческие официальные круги, заинтересованные, опираясь на западные державы, в дележе Балканского полуострова. По этому вопросу начались дебаты в парламенте.

В конце мая 1876 года была предпринята еще одна попытка заключения греко-сербского союза со стороны Й. Ристича, но и она закончилась неудачей.

Сербия оказала денежную помощь революционным комитетам, что позволило вооружить несколько отрядов. Однако, несмотря на желание греков выступить на стороне сербов, одновременных действий не получилось. Греческое правительство не поддержало Вулгариса, а самостоятельно комитеты выступить не решились. Более активной официальная греческая политика становится лишь после Сербско-турецкой войны.

Греческое национально-освободительное движение в провинциях Османской империи было слабым, плохо организованным и не обеспеченным средствами. Тем не менее, восстания балканских народов оказали влияние и на Грецию, побудив различные социальные слои активизироваться в борьбе за решение насущных для нации вопросов.

Рассмотрение вопроса об отношении соседних балканских народов и государств к боснийско-герцеговинскому восстанию позволяет сделать вывод, что в целом оно оказало большое воздействие на некоторые из этих народов, все части Балканского полуострова в течение короткого времени так или иначе включились в антиосманскую борьбу.

Основой для этого послужили: объединяющая балканские народы нерешенность буржуазных задач, наличие общего препятствия на пути их развития

---

[33] Kofos E. Greece and the Eastern crisis. 1875–1878. P. 51.
[34] Ibid. P. 51–53.

в лице изжившей себя Османской империи, сложившаяся на значительной части полуострова революционная ситуация.

Восстание в Боснии и Герцеговине стало своеобразным общественным катализатором национально-освободительных движений середины 70-х годов на Балканах, а период с середины 1875 года до середины 1876 года стал самостоятельным этапом в развитии восточного кризиса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. А.С. Ионин – А.Г. Жомини. Рагуза, 5(17) июля 1875 г. // Архив внешней политики Российской империи. Ф. Канцелярия. 1875 г. Д. 28. Л. 49–54 об.; Ф. СПб. ГА V-A_2. Д. 747. Л. 193–196.

2. Балканские исследования [Текст]. – М. : Наука, 1978. – Вып. 3. – 315 с. ; Вып. 4. – 287 с.

3. Залышкин, М.М. Внешняя политика Румынии и румынско-русские отношения 1875–1878 [Текст] : моногр. – М. : Наука, 1974. – 303 с.

4. Никитин, С.А. Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50–70-е годы XIX в. [Текст] : моногр. – М. : Наука, 1970. – 325 с.

5. Н.П. Игнатьев – Александру II. Буюкдере, 11(23) сентября 1875 г. // Архив внешней политики Российской империи. Ф. Канцелярия. 1875 г. Д. 28. Л. 49–54 об.; Ф. СПб. ГА V-A_2. Д. 747. Л. 193-196.

6. Освобождение Болгарии от турецкого ига [Текст] : в 2 т. – М : Наука, 1961. – Т. 1. – 231 с.

7. Сенкевич, И.Г. Албания в период восточного кризиса [Текст] : моногр. – М. : Наука, 1965. – 253 с.

8. Kofos, E. Greece and the Eastern crisis. 1875–1878 [Text] : monogr. / Institute for Balkan studies. – Thessalonilci,1975. – 283 p.